

ЛЮБОВЬ ВСЛЕПУЮ

СВЕТЛАНА НАРБАТОВА

Ликбез

Светлана Нарватова

Любовь вслепую

«Светлана Нарватова»

2022

Нарватова С.

Любовь вслепую / С. Нарватова — «Светлана Нарватова»,
2022 — (Ликбез)

Станислав Борисович Дежнев – мужчина в самом расцвете сил. Работает Станислав Борисович заведующим отделением в роддоме. И несмотря на то, что Стас окружен женщинами с утра до ночи, он не женат. А может, именно поэтому. Когда молодость подходит к концу (а пятый десяток, нужно признать, уже конец молодости), хочется оглянуться и... Обрести второе дыхание, быть может? Как еще можно назвать то безобразие, в которое он дал себя втянуть? И главное – кому? Которая из «пипеток» его отделения сумела превратить роддом №3 в его персональный дурдом? Вот бы знать... Ранее публиковался под названием "Темная история в третьем роддоме"

© Нарватова С., 2022

© Светлана Нарватова, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Светлана Нарватова

Темная история в третьем роддоме

Глава 1

– Станислав Борисович, с этим надо таки что-то делать, – раздался над ухом Дежнёва привычный голос Фриды Марковны.

Стас открыл глаза. Необъятная дама, главный специалист отделения во всём, включая нецензурную лексику, нависала над диваном в ординаторской, как памятник еврейской маме. К сожалению – не безмолвный. Молчать Мама Фрида не умела. Но, как она любила говорить (а говорить она любила), у такой большой женщины может быть один маленький недостаток.

Зав. отделением сел, сбрасывая с ног плед. Ночь выдалась, как всегда. Вроде, ноябрь. Почему-то в ноябре детей рождается меньше. Но в смены Стаса роженицы словно стоваривались. Ночь в роддоме спокойным временем не бывает. Наследие тех эпох, когда женщины рожали на шкурах мамонтов в перерывах между дневными переходами. Самый сенокос – в три-четыре ночи. Только успевай. Хорошо, если акушерки толковые. И когда они есть. А если бестолковые и их нет, то вставай, Станислав Борисыч, к станку, и вперёд, лови народ из ворот. И только приляжешь после ударного труда на благо родины – появляется Фрида Марковна. С этим действительно нужно что-то делать.

– Что случилось? – поинтересовался Стас, потирая глаза руками и нащупывая очки.

Надел. Очки были урызганы... Дежнёв даже думать не хотел, чем они были урызганы. Когда он рухнул на диван в пять утра, сил протирать их уже не было. Поэтому он поднялся, добрёл до раковины и промыл их с мылом.

Когда Стас вытер руки, Фрида Марковна протянула ему листок офисной бумаги, на котором русским по белому было напечатано:

«Не нужно стесняться заведующего отделением. Он женщинами не интересуется».

Мотив знакомый, даже старый. Каждая новая медсестра, акушерка, лаборантка и даже уборщица в больнице, завидев холостого заведующим в самом расцвете сил, считала своим долгом его одомашнить. После очередной неудачи тема нетрадиционной ориентации заведующего снова становилась главным сюжетом устного народного творчества. Но до издания «в бумаге» дело дошло впервые.

– Что вы порекомендуете? – спросил Стас, усаживаясь за стол и укладывая листок перед собой. Скотч на краях тут же приклеился к поверхности амбулаторной карты. Дежнёв, тихо ругаясь, стал его отдирать.

– Я так рекомендую жениться, – выдала Фрида Марковна.

– Ну что ж вы так сразу, с утра, и к оперативному вмешательству, – огорчился Стас. – Может, всё же терапевтически попробуем?

– Ви, Станислав Борисыч, категорически прошу прощения, уже скольких в больнице «терапевтически» попробовали? И сильно ли вам это помогло?

– Фрида Марковна, вы меня осуждаете или ревнуете? – посмеиваясь, поинтересовался Стас, затирая пальцем место, откуда только что отодрал скотч, будто от этого поверхность бумаги могла восстановиться.

– Голубчик, я бы ревновала, если бы имела шансы. – Мама Фрида похлопала Стаса по плечу. Она глубоко и трепетно обожала своего супруга, профессора русской словесности Льва

Моисеевича Михельсона. – А ви таки подумайте над советом старой еврейки. Подумайте! Помяните моё слово, этот лист появился неспроста!

Конечно, Стас ей не поверил. Фрида Марковна пыталась углядеть персты судьбы повсюду, лишь бы перевести Стаса в женатое состояние. Симптомы обострились после того, как Мама Фрида выдала замуж обеих дочерей и женила трёх племянников. Теперь весь нерас-трачиваемый потенциал доставался Дежнёву. Завотделением смял листок в комок и швырнул в мусорное ведро. И даже попал.

Просто в тот момент он не знал, насколько сильно попал...

* * *

Продолжение истории приключилось неделю спустя. Стас сидел в кабинете, заполняя бумаги. В дверь постучались, и на пороге появилась Наталья – дежурная узистка. Миловидная брюнетка с ямочками на щёчках, одна из тех самых «терапевтически опробованных», но «не сильно помогших». Вообще-то они друг другу помогли. Он ей – примириться с изменой мужа, она ему... Она ему тоже помогла. Сколько можно помогать себе одной левой? Или правой. Наталья супруга простила (женщины – существа незлопамятные, отомстят и забудут), и встречи сами собой рассосались. Их периодический взаимоприятный перепахон не был осложнён чувствами. Наверное, поэтому расставание далось легко, а отношения сохранились приятельскими.

– Привет! – улыбнулась Ната. – Ты, я гляжу, своих девок совсем в чёрном теле держишь, – заявила она, посмеиваясь.

– В смысле? – Стас принял обычную позу для приёма посетителей: локти на столе, пальцы сложены в замок.

– В смысле, совсем они у тебя оголодали. Бабы, когда голодные, такие злые...

Она вынула из кармана сложенную вчетверо бумажку, положила её перед Дежнёвым и придвинула соседний стул.

Стас развернул листок. На нем знакомым TimesNewRoman'ом было напечатано продолжение давешнего «производственного романа»:

«Стесняться нужно мужчин. А Станислав Борисович – гинеколог». Ниже, – от руки, – развернулась целая дискуссия.

«Чего, правда, стесняться? Что он там не видел?» – синяя паста, убористым почерком.

«Как ваши „губки“ улыбаются», – размашисто, гелевой пастой.

«Он паходу импатент», – кривыми, как и текст, буквами.

«Может наоборот гигант большого секса?» – округленько, почерком отличницы, жаль, с пунктуацией проблемы.

«Гигант большого секса наоборот» и много-много скобочек-смайликов.

«Дискуссия» Дежнёва не задела. А вот первое высказывание, противопоставляющее «мужчину» и «гинеколога», отчего-то зацепило.

– А с чего ты взяла, что это «мои девки»? – любопытствовал Стас. – Может, это пациентки блажат. Откуда дровишки, кстати?

– Из женского туалета, вестимо, – как само собой, заявила Ната. – А печатали на вашем принтере. Видишь, полосу? – она ткнула на тёмно-крапчатый край листа. – Я на эпикризах у вас такую же видела.

– Да ты просто Ната Пинкертон, – похвалил бывшую любовницу Дежнёв, стараясь не подать виду, что ситуация ему неприятна. – Миссис Марпл отдыхает.

– Ах, Станислав Борисович, Станислав Борисович! В прошлом веке живёте. Даже поза-прошлом. Нынче девушек принято сравнивать с Виолой Таракановой.

– Фу, Ната. Ну неужели тебе было приятно, если бы я назвал тебя, – он брезгливо поморщился, – Таракановой.

– Она хотя бы молодая, – подмигнула Наталья. – Ладно, пошел *а* я. А ты с девчонками-то своими разъяснительную работу проводи. Не дело это.

И впрямь, не дело. Не дело, чтобы приходящие специалисты учили его, как командовать в отделении. Стас альфа-самцом не был. Ну, сами подумайте: «гинеколог» и «альфа-самец»? Ложится женщина без исподнего в гинекологическое кресло, а к ней между коленей тестостероновый громила протискивается. Это уже не гинекология получается, а настоящая порнография. Лидерские замашки в медицине хороши в хирургии и на скорой помощи. А остальные специалисты, и особенно – «женские врачи», должны быть воплощением деликатности. Стас таким и был. Но он был мужчиной. И, как любой мужчина, не любил, когда ему указывали, что делать. И когда его ставили в ситуацию, в которой ему указывали, что делать.

Поэтому на следующий день Дежнёв собрал у себя юное поколение сотрудниц отделения. Остальные Стаса если не боготворили, то крайне успешно делали вид. В конце концов, он действительно врач от Бога. Никогда не впадал в панику, в любой ситуации был корректен и ровен со всеми, вне зависимости от возраста и внешности. Мужчина-гинеколог просто не может себе позволить непрофессиональное поведение. То, на что закроют глаза у врача-женщины, у мужчины раздуют до размеров слона в кубе. Только молоденькие девчонки, не нюхавшие «пороху», не узнавшие на своей шкуре, каково это – оказаться в безвыходной ситуации, из которой тебя за уши вытащит заведованием, – могли нарушить корпоративную этику.

Таких девиц в отделении было четверо.

Первая – легкомысленная Ангелина, Геля, смешливая модница, помешанная на нарядах, косметике и ногтях. Акушерка, пришедшая после колледжа. Работала она дольше других, пару раз получила «по ушам» за попытки установить «неуставные» отношения с заведующим, но упорно продолжала охоту на Стаса. Она была очень даже ничего, что спереди, что сзади. Вот только сверху, в голове, было пусто, как в вазе эпохи Тан. На взгляд Стаса, там даже пыль не задерживалась. Только ветер выл. От тоски и одиночества.

Вторая – огненно-крашенная Марго, брошенка двадцати пяти лет от роду, в одиночку воспитывающая двухлетнюю дочку. Познав коварство мужчин, она отзывалась о них исключительно в парнокопытном смысле. Впрочем, и женщин она любовью не одаривала. Маргарита тоже была акушеркой, но уже с опытом и стажем, хоть и не большим. Она появилась полгода назад, но до сих пор Стаса старалась избегать.

Приятно-пухленькая русоволосая Оленька, медсестра. Она недавно перешла в родильное отделение из хирургии. Не сошлась характером с тамошней «хозяйкой». С Валентиной Петровой редко кто характером сходилась, да в основном помалкивали. А эта попыталась старшую медсестру жизни учить. Лишняя жизнь у неё в запасе, что ли?

Таня, «ординаторка», в очках и с длинной тёмной косой. Самое последнее приобретение отделения. Тихая. Въедливая, как термит. Она хвостиком ходила за Фридой Марковной, к которой Дежнёв её прикрепил. Татьяна просилась к нему. Но Стас пока не дошёл до стадии, когда передача профессионального опыта становится смыслом жизни. И вряд ли дойдёт. Альцгеймер пожрёт его раньше. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Не приведи, Господи. Однако факт: лозунгами минздрава о наставничестве на волонтерской основе Дежнёв не проникся.

Стаса вообще трясло мелкой дрожью от мысли о том, что творится в нынешней медицине. С каждым годом средний уровень практикантов в роддоме падал всё ниже. Поэтому, видимо, министерство решило не тратить на бесполезное обучение и отменило интернатуру. А зачем? Пусть все идут в поликлиники и приёмный покой. Врачи-универсалы, мать его, заглядывающие в интернет, чтобы назначить лечение от ОРВИ. И ведь остается лишь восхищаться комплексностью решения проблемы. Скольких зайцев одним выстрелом: сэкономили и на обучении врачей, и на пенсиях пенсионерам. А что? В живых останутся только самые

здоровые или опасливые, которые лечатся сами, травками и уринотерапией. А остальных – на опыты юным дарованиям. Поскольку без интернатуры практика будет набираться исключительно опытным путём.

Как ни странно, ординатура пока сохранилась. В основном, платная. Но врачом нынче вообще быть недешёво. Мало того, что пройди повышение квалификации, так ещё и в конференции раз в год поучаствуй. За двадцать тыр каждая. Это если у тебя одна специализация. А если, упаси боже, две? Разве в госучреждении можно себе позволить такую роскошь? И останутся вскоре в поликлиниках и роддомах одни фельдшеры да акушерки. А к врачам-специалистам придётся в столицу ехать. М-да. Поэтому Стас предупредил Маму Фриду, чтобы та до ста двадцати лет про пенсию даже думать не смела. Работать кто будет? «Танечки»?

И без того взвинченный Стас вошёл в «штопор» и стал показывать фигуры высшего пилотажа. То есть покатил «бочку» на подчинённых. Не на кого-то конкретно, а в целом. О том, что имеют место случаи нарушения профессиональной этики. И они, как медики, должны понимать, что врач, как и пациент, пола не имеет. Но раз уж кому-то из них так любопытна его личная жизнь, то женщинами он интересуется. Но исключительно за пределами работы. Потому что на работе это непрофессионально. И даже аморально. Стас распинался перед «пипетками», а сам тем временем пытался вычислить «писательницу». «Первопечатницу», так сказать. Поведение девиц было предсказуемо. Марго брезгливо крутила носом. Геля строила глазки, особенно на той части речи, которая касалась личной жизни. Оленька смущённо улыбалась, поглядывая на завотделением, как в песне, «искоса, низко голову наклоня». И лишь Татьяна цинично копалась в смартфоне.

– Татьяна Егоровна, вы вообще слышали, что я говорил? – не выдержал Стас.

– Конечно, Станислав Борисович. – Ординаторка встала и протараторила, как отличница на уроке: – Вы интересуетесь женщинами профессионально. Врач пола не имеет. Это аморально. Правда, я не поняла, что именно.

И в этих руках – будущее российской гинекологии! Оленька захихикала. Геля открыла рот. Судя по старательно округлённым губкам – это была не упавшая челюсть, а выставка достижений. Марго удостоила ординаторку внимательного взгляда. Стас тоже её взглядом одарил, когда вправил челюстной вывих и поймал на кончике языка тройку первых пришедших на ум выражений.

– По-моему, я несколько не так выражался, – с тонким намёком на тяжёлые последствия произнёс он.

– Я тезисно, – покрутила Татьяна в воздухе ладошкой и невинно улыбнулась.

Вот же засранка. И наказание не впендюришь. Типа просто дурочка. Просто не подумала, что сказала. Эх, за что ж ему такое наказание? Ведь Лизка уже вот-вот должна была выйти. Так ведь нет, Гад-ский супруг отправил её в очередной декрет. С одной стороны, они поступили мудро. В их возрасте нужно пользоваться моментом, пока АМГ не упал ниже единицы. Как врач Стас её понимал. Как руководитель – плевать хотел на репродуктивные планы Горских. Скинул бы сейчас эти разборки на Лизку. Она всю молодёжь в ежовых рукавицах держала. Нет, всё это Дежнёву категорически не нравилось.

* * *

Завотделением покинул ординаторскую раскалённый, как чайник. У Татьяны в голове почему-то всплыла неадекватная случаю картина. В Харбине на чайной церемонии она видела глиняную фигурку мальчика, которую кипятком польёшь – и он выдаёт из причинного места струищу чуть ли не через весь стол. Вот почему-то такого мальчика сейчас напомнил Тане Дежнёв. «Стимул – реакция», как говаривали классики теории условного рефлекса. Предсказуемо, ожидаемо, физиологично. Но забавно. Если наблюдать со стороны.

«Мальчик» помещение покинул. «Описываемый» женский состав – остался. Ни с кем из них Таня не была знакома близко. Так, изредка пересекались на сменах. Она порылась в памяти. Пожалуй, Станислав Борисович собрал здесь весь молодняк отделения. Нужно отдать должное, ему быстро удалось локализовать источник заразы. Татьяна почему-то думала, что забавы ещё долго останутся не замечены и безнаказанны. Бдительным оказалось око Саурана в белом халате. Хотя какой он белый? Голубой он. Таня тихонько вздохнула про себя. «Прилетит вдруг волшебник в голубом балахоне и бесплатно покажет кино...» Кино показал. Так себе кино оказалось. Чисто, артхаус из «birth house». На самом деле, хотя «birth» в переводе с английского – «рождение», «birth house» – это не «роддом», а «родной дом». Роддом будет «maternity» – *матернитти*. Очень точное название с позиции русского человека, который там работает. Таня зевнула. В отличие от остальных зрительниц представления она была с суток. Красный диплом медколледжа не слишком помог ей в борьбе за место в медвузе – больше дали упёртость и доступ к учебной литературе. Зато он дал возможность подрабатывать на полставки медсестрой. На стипендию ординатора в чужом городе не проживёшь. А если и проживёшь, то не прокормишься. Ночь выдалась беспокойной. Наверное, поэтому и мысли у Татьяны скакали, как горные козлы по снежным скалам.

– Слушай, ты зачем его так? – спросила Ангелина, бойкая брюнетка-акушерка в экстремально коротком халатике.

– А чего он так нас? – Нападение – лучше, чем оправдания, Таня это прекрасно знала. – Тоже мне, приз зрительских симпатий нашёлся... Все просто умирают тут без подробностей его личной жизни.

– А мне интересно, – призналась Ангелина, поёрзав на стуле. – И вообще, он такой, мужчина видный. Приятный.

– Мужик – и мужик! – отрезала Маргарита, акушерка. Она выглядела ровесницей Тани, плюс/минус пара лет, минус пять килограмм, плюс кудрявая шевелюра, с трудом уместяющаяся под больничным колпаком.

– Ой, понятно, тебе сейчас и Бред Питт с Робертом Паттисоном «мужик – и мужик», – отреагировала Геля, которая, видимо, была в курсе личной жизни акушерки.

– Тебе нужно оставить его в прошлом, – с сострадательной улыбкой произнесла Оля, медсестра с глазами-блюдцами и славой правдоискательницы. Похоже, о личной жизни Риты не знала только Татьяна. Возможно, единственная в отделении. – Иначе никогда не встретишь своего единственного. Ты должна освободить для него место в жизни.

Таня ещё раз зевнула. По-хорошему, нужно идти. Но раз тут, в довесок к кино, бесплатные посиделки доморощенных психологов, то грех отказываться.

– А я и не хочу никого искать! – возмутилась Рита. её обычно зовут «Марго», вспомнила Таня. – Да и кому я нужна с прицепом? – опровергая предыдущее заявление, добавила акушерка.

– Зря ты так, – утешила её Ольга. – Ты молодая, красивая, стройная.

– Ой, я тебя умоляю! Рыжая, конопатая и тошная, – возразила Марго. – А молодость не требует специфического лечения и обычно проходит сама.

– Ты не должна ставить на себе крест! – взывала местная мать Тереза к... совести или самолюбию, может?

– Я вот знаю некоторые способы... – вмешалась в глубоко воспитательную, но совершенно бесполезную беседу Геля. – Вот смотри. Чтобы забыть своего бывшего, представь себе его лицо. И мысленно дорисуй ему рожки. Или усики, как у Гитлера. Или бородку козлиную.

– Он и без неё козёл! – отрезала Марго.

– Вот! А с бородкой он станет смешной козёл! И эта наша цель. Представлять бывшего в нелепом виде один раз в день по столовой ложке. Через неделю он уже не будет вызывать серьёзных чувств. Так. Просто клоун-козёл.

Глаза закрывались сами собой, и перед глазами Татьяны предстал Станислав Борисович. Таня мысленно приделала ему красный клоунский нос. Нет, клоунский нос ему не шёл. А бородачка шла. Когда Татьяна впервые увидела Дежнёва, он был с бородачкой.

Таня хотела стать врачом, сколько себя помнила. Но шансов хорошо сдать ЕГЭ в поселковой школе не было. Поэтому она поступила в медколледж. Вот тогда-то, на практике в роддоме, она и увидела Станислава Борисовича в первый раз. Страшно подумать, это было восемь лет назад. Именно тогда Татьяна поняла, чего хочет. Она хочет стать врачом. Настоящим врачом-акушером, чтобы работать вот здесь, с этим человеком. Целеустремленности Татьяны Зуевой хватило бы на маленькую космическую ракету. Поэтому она поступила в медуниверситет, пробилась на бюджетное место в ординатуру по акушерству и даже – что уж совсем из ряда фантастики, – попала сюда, в отделение Дежнёва. Все эти восемь лет он был для неё путеводной звездой. Но мечты – слишком хрупкие творения, чтобы выдержать встречу с суровой реальностью. Конечно, придя с направлением на ординаторскую практику, Таня не ждала сакраментальной фразы: «Ужель та самая Татьяна?» Она не рассчитывала, что её вспомнят. Хотела. Но не надеялась. Она надеялась, что обратит на себя внимание как молодой перспективный специалист. Увы. Дежнёв избавился от неё, как от прилипчивой пиявки. Фрида Марковна, её наставница, была замечательным специалистом. Она была требовательна, компетентна и даже помогла с устройством на полставки медсестрой. Но разве об этом мечтала Татьяна? Она мечтала о Станиславе Борисовиче, который оставался всё так же неженат и всё так же недоступен. К сожалению, чувствам, в отличие от мечт, до суровой реальности не было никакого дела. Таня видела завотделением каждый день. Каждый божий день он проходил мимо и, не узнавая, здоровался. А у неё тряслись руки, и заплетался язык. Таня мысленно дорисовала ему рожки. Рожки Дежнёву неожиданно пошли. В комплекте с бородой. Зуева вздохнула.

– Что-то ты совсем расклеилась, барышня, – сурово заметила Мама Фрида пару недель назад. – В роддоме нет места мелким личным неурядицам. Не дело это! А ну, встряхнись! Нужно собраться с силами, – она понизила голос: – И совершить что-нибудь безрассудное.

– Думаете, поможет? – спросила Татьяна, самой себе в тот момент напоминая ослика Иа.

– Даже если не поможет, то таки повеселишься, – резонно заметила Фрида Марковна.

Вот Таня и веселилась. Дежнёв, перед тем как уйти, заявил, что если кому-то хочется пообщаться с ним на личные темы, верхний ящик его стола к услугам любопытных. Татьяна дожждётся, пока все разойдутся, и продолжит развлечения.

Глава 2

После обхода и визита к главврачу по кадровому вопросу, Станислав Борисович вернулся в ординаторскую. Раньше у него был свой кабинет, но почему-то здесь, среди копошащихся коллег, он всегда чувствовал себя уютнее. Здесь легче было переносить боль утрат и подпитываться радостью побед. Поэтому, став «большим начальником», Дежнёв стол свой не освободил, используя кабинет заведованием лишь для приёма посетителей. А когда больнице выделили финансирование на ещё один кабинет УЗИ, с лёгкостью отдал его под нужное дело. В ординаторской было безлюдно. Ничто не напоминало об утреннем жарком спиче в защиту профессиональной и корпоративной этики. Стас вскипятил чайник, бросил в кружку разовый пакетик чёрного чая, взял из «благодарственной» коробки «Коркунова» конфетку и сел на своё рабочее место. Слева лежала стопка, мать её, карт, пробуждая нездоровое желание вылить на них тот самый свежесваренный чай. Подводя итог ещё не завершившегося дня, заведованием вывел новую примету: «Если день начинается с „пипеток“, к вечеру неизбежна клизма». Главврач даже до вечера ждать не стала. На вопрос, где Стас возьмёт новых врачей на вакантные ставки, Валерия Ефимовна ответила, что у них родильное отделение. Рожайте.

– А ничего, что у нас отделение патологии? – напомнил Дежнёв.

– Нынче, Станислав Борисович, не время привередничать. Так что кто родился, того и воспитываем. За вашего ординатора хватаемся двумя руками и держим. Правильно держим, Станислав Борисович. Нежно, но крепко. Не мне вас учить, вы мужчина опытный... – похлопала Валерия Ефимовна заведующего отделением по плечу.

Конфетка подтаяла в тёплой комнате и оставила шоколадный след на пальцах. Стас открыл верхний ящик, где хранил салфетки. И обнаружил листок, на котором было напечатано: «Злой вы какой-то, Станислав Борисович. Когда у вас в последний раз женщина-то была?» Терпение Дежнёва держалось буквально на ниточке. И вряд ли этот шов можно было назвать состоятельным. В общем, Стас вытер пальцы, и размашистым почерком прямо на том же листке написал: «Если своими сочинениями вы пытаетесь предложить себя в качестве женщины, то боюсь разочаровать: из 90-60-90 больше всего меня возбуждают 120 IQ». До конца смены он устроил ещё пару разносов младшему медицинскому персоналу, заполнил карты, посмотрел результаты обследований пациентов, поправил одно назначение и с чистой совестью, но плохим настроением направился домой. Размышлять, когда у него в последний раз была женщина.

А утром в его столе лежал другой листок, на котором было напечатано: «А-а-а. Вы предпочитаете в мозг... Так это у нас вчера групповуха была? А девчонки-то и не знают».

Вчера Стас был совершенно уверен, что «стенгазеты» – дело рук Ангелины. Большого ума они не требовали, а записка с головой выдавала истинные мотивы. Теперь же Дежнёв задумался. Не то чтобы тезис о «групповухе» был высокоинтеллектуален. Но Гелины потенциально превосходил. И дело даже не в нестандартной оценке ситуации. То, что выглядит оригинальностью, нередко оказывается проявлением альтернативной женской логики. Нет, записка содержала намёк на самоиронию. А самоирония – однозначная заявка на мозги. Тогда кто? Из имеющих мозги в отделении, помимо себя, Стас ещё знал Лизу и Маму Фриду. Но Лизы не было физически. А Мама Фрида не стала бы использовать слово «групповуха».

М-да. Вопрос...

Дежнёв уложил листок на столешницу и нацарапал уничижительный ответ: «Для тех, кто не понял с первого раза: меня привлекает не всякий мозг. Одноклеточные не вызывают во мне сексуального влечения». И быстро убрал листок в стол. Недостаток мозга у одноклеточных обычно с лихвой компенсируется чувством собственного величия и объёмами обид. очередной обход прошёл в приподнятом настроении на фоне повышенного уровня любопытства.

Пройдёт «первопечатница» тест на одноклеточность или нет? Увы, по завершению обхода в ящике всё было, как прежде. И после плановых операций. Завотделением даже ушёл работать с документами в пустующий кабинет УЗИ. Но, увы, к вечеру декорации так и не изменились. Стас испытал некоторое разочарование от того, как легко сдалась его визави. А потом его вызвали к многоводной роженице с диабетом, и ему стало не до глупых записок.

Зато утром его поджидал очередной образец эпистолярно-принтерного творчества: «*У одноклеточных нет мозга, Станислав Борисович. Совсем. А у нас на четверых IQ даже на 240 наберётся! Кстати, вы так и не ответили на вопрос*».

«*Не ответил*», посмеиваясь про себя, согласился Стас. Если хочешь разговорить собеседника, просто повтори его последние слова. Это как выдернуть пробку, затыкающую фонтан. Предвкушая поток, который прорвёт его реакцией, завотделением провёл «летучку» и пошёл домой. Интересно, «240» – это самоирония и недооценка соперниц? Если они соперницы. Не жмёт ли вам корона, Станислав Борисович? Что-то не заметно в обозримом пространстве очереди кандидаток в постельные грелки. Стас последние полгода так утрачивался работой, что о женщинах думал сугубо как об объекте профессиональной деятельности. А теперь он шёл домой после ночной смены, а у него энергии было ещё на три подвига и одну женщину.

Наполненный кипучей субстанцией, Стас совершил первый подвиг. Расчистил Авгиевы конюшни, то есть навёл порядок дома. Когда дом – место, где ты спишь (иногда), постепенно он покрывается слоем хлама. Дежнёв выдраил квартиру. Распахнул шторы. Открыл окна. Дышать сразу стало легче. Просто фэншуй какой-то. Закончив уборку, Стас понял, что про три подвига он погорячился. А вот от женщины бы не отказался. Чтобы приготовила ужин. За неимением женщины Дежнёв поймел доставку из знакомого фастфуда. За деньги, зато без моральных издержек и гарантированно вкусно. Он вытянулся на диване, пощёлкал новостные каналы на телевизоре, убедился, что мир не поумнел, и пошёл спать.

* * *

Когда Стас проснулся, за окном царила ночь. Однако будильник настаивал, что уже утро. Организм отказывался мириться с обманом зрения и требовал доспать. Дежнёв нажал отсрочку и укрылся с головой пледом. Интересно, что там насочиняла «пипетка»? Мысль вспорола вязкую дремоту, как лазер – метастаз. Сонливость как рукой сняло. Дежнёв побрился, подпевая музыкальному каналу. Может, не очень в тон, – со слухом у него было хуже, чем с руками, – зато с душой. В больнице завотделением одаривал коллег сияющей улыбкой. Но когда уже третий встречный поинтересовался, не нашёл ли Стас работу получше, понял, что внутренний фонарик стоит притушить. А то слухи пойдут, сплетни... Главврач опять вызовет. Душе-спасительные беседы начнёт. Оно надо? До ординаторской Дежнёв держал лицо, но чуть не скатился в банальный «Й-есс!», обнаружив в столе очередной листок. «*А говорили, что мы можем спрашивать о вашей личной жизни, что угодно. Ай-ай-ай! Нехорошо обманывать!*», – вот, что было там напечатано. «По-ве-лась!», – мысленно пропел Стас, прищёлкнув пальцами. И пока не набежали зрители, написал: «*Как можно! Я говорил, что вы можете спрашивать, что хотите. Хоть про длину моего пениса в эрегированном состоянии и среднюю продолжительность коитуса. Но я не обещал, что вам отвечу*».

Ощущая себя мужественным советским бойцом, от которого подлый фашист получил гранату, завотделением переоделся в зеленый медицинский костюм. Мальчишеское шило свербело в сфинктере анального отверстия и звало на подвиги. Вышеупомянутый сфинктер чувал, что добром дело не кончится. Но сидеть на месте все равно не получалось. Взяв для серьёзного вида несколько бумажек со стола, Стас посмотрелся в зеркало. Бумажки не помогли. Серьёзного вида не получилось. Торжество справедливости цинично полыхало из-под очков, как про-

жектор перестройки. Два прожектора. Завотделением вернул бумаги на место, заложил руки за спину и прогулочным шагом отправился дозором по владениям.

Припоздавшие сонные барышни и дамы разного возраста и степени беременности несли баночки на анализы и себя – на взвешивание. Некоторые здоровались, некоторые ещё недостаточно проснулись, чтобы выделять заведующего отделением из фона. В конце коридора находилась процедурная. Утренние уколы ещё не начались, и скамеечки у дверей были пусты. Однако внутри работа кипела, судя по женским голосам. Стас собирался заглянуть внутрь, но услышал из-за приоткрытой двери: «А теперь закрой глаза, и представь этого мужчину у себя за спиной...» – и передумал. Может же заведующий, измученный тяжёлым обходом, присесть на скамеечку отдохнуть? В телефоне покопаться, например. Кстати! Он вынул телефон и перевёл его в беззвучный режим.

* * *

– ...Нет, ну какой душой нужно быть! Он же женат!.. – пробивался сквозь завесу Татьяниных мыслей звонкий голосок Ольги.

Сегодня они дежурили вместе. Таня была медсестрой на замену, и ею затыкали дыры. Вот и сегодня её попросили подменить работницу из Ольгиной смены. Та села на больничный с ребёнком, а уколы сами в попы не поставятся, как точно подметила старшая медсестра. Оля продолжала трюндеть про события вчерашнего сериала, но Зуева пропускала её слова мимо ушей. Разве картонные драмы мыльных опер могут сравниться с накалом страстей, что закрутились в ящике офисного стола? Станислав Борисович оказался трудным пациентом. Агрессивным. Недоверчивым. Несговорчивым. Его реакции и веселили, и задевали. Веселили предсказуемостью. Задевали тем же. Восемь лет Дежнёв был для Татьяны недостижимым идеалом. Принцем в белом халате. Воплощением спокойной уверенности, компетентности, ответственности и интеллекта. Тех качеств, которые Зуева ценила в мужчинах выше всего. Но это ещё не всё. Станислав Борисович был для неё эталоном мужской красоты. Не слащавой, как у эстрадных «альтернативов». Не брутальной, как у бойцов ММА. Не экстравагантной, как у Бенедикта Камбербэтча. Простой, человеческой мужской красоты, на которую хотелось смотреть. И смотреть. И смотреть. И иногда трогать руками. В общем, Дежнёв был персональное «всё» Тани Зуевой. Поэтому осознание, что кумир оказался таким же мужским шовинистом, что и прочее большинство игреконосителей, стало для Татьяны потрясением. С другой стороны, как говорили великие устами Гели: «Хочешь избавиться от прошлого – сделай его смешным». Резкие ответы завотделением вызывали желание подразнить. Таня чувствовала себя корноухим котом, который вновь и вновь забирается на забор соседского дома, чтобы позлить цепного волкодава. И ей было интересно, как именноотреагирует вожодав Дежнёв на очередную скотскую проказу. А дыры из телевизионных мелодрам были ей глубоко до лампочки.

– Ой, Оленька, – появился в помещении новый голос, спуская Таню на землю. – Ты не представляешь!..

На кушетку для инъекций уселась рыжая Марго. Взгляд её был полон вселенской скорби.

– Ну что? – Оленька присела рядом с акушеркой, сжимая пальцами её руку. – Опять звонил?

Маргарита мрачно кивнула.

– А ты? – продолжила допрос Оля.

– А я говорю: «Чего тебе надо?»

– А он?

– А он: «Я ж отец».

– А ты?

– А я: «Какой ты отец? На день появишься, на полгода исчезнешь. Ты не отец, а дятел-мозгоклой».

– А он?

– Обиделся, – вздохнув, ответила Марго. – Сказал, что все бабы – стервы, и сами не знают, чего хотят.

– А ты чего хочешь? – поинтересовалась Оленька.

– Не знаю, – пожала плечами Маргарита.

– О! – Ангелина сунула голову в дверь, и слово «проце-дурка» заиграло новыми красками и смыслами. – Что, шеф снова собирает?

– Нет, мы просто, – ответила Оленька.

– Да? – спросила Геля тоном «А что показывают?» и присела на вторую кушетку.

– Маргарите бывший звонил, – тут же по секрету «настучала» Оля.

– И? – с теми же интонациями уточнила Ангелина.

– Стервой обозвал, козёл, – не стала разминиваться на мелочи медсестра.

– Козёл, – согласилась Геля. – Это не твой типаж мужчин, – сообщила она рыжей.

– Слава Богу! – отреагировала на это заявление Марго.

– В смысле тебе нужен другой, – пояснила Геля.

– Мне бы с одним как-нибудь справиться, – с сомнением ответила рыжая.

– Не в этом смысле. Смотри, сейчас ты закроешь глаза... – выдала Ангелина оксюморонную фразу. – И будешь представлять, что я скажу. Готова?

Маргарита послушно сложила руки на коленях и кивнула.

– Представь себе мужчину напротив себя. Вы стоите лицом к лицу. Что ты чувствуешь?

– Так бы и дала, гаду!

– В каком смысле «дала»? – не удержалась Таня с насмешкой, за что получила три укоризненных взгляда.

Татьяна повинно склонила голову и замахала перед носом руками крест-накрест, демонстрируя, что её здесь нет и звуки из её угла девушкам причудились. И вернулась к своим ампулам. Пальчиками. А ушами, разумеется, осталась в разговоре.

Марго подняла кулак и мелко потрясла им, демонстрируя, как именно она бы дала и как тяжело ей сдерживаться.

– У-у-у! – подвыла она.

– Это позиция «мужчина-соперник», – пояснила Геля. – Некоторые женщины любят острые ощущения, чтобы как на войне. Чтобы соперничество. Но это разрушительные отношения. Такие отношения хороши для любовников, но семья, построенная на соперничестве, обречена. Мужчина уйдёт из такой семьи.

– Почему мужчина? – возмутилась Марго.

– Потому что женщины часто любят играть в мужчин. А мужчины в женщин – редко. Когда мужчине нужен соперник, он идёт на ринг. А дома он хочет видеть уютную кошечку, красивую, ласковую и удобную.

– Ой, Гель, ты сама додумалась? – с придыханием спросила Оленька.

– Нет, конечно, в книжке прочитала, – возмутилась Ангелина.

Таня представила себя лицом к лицу со Станиславом Борисовичем. Он стоял, перекрестив руки на груди, и насмешливо смотрел из-под очков. Таня почувствовала себя провинившейся школьницей. В общем, соперничества не выходило, как Зуева ни старалась.

– А теперь закрой глаза, и представь этого мужчину у себя за спиной, – велела Геля.

Таня представила, хотя велели не ей. Почему-то Станислав Борисович прижимался к ней всем телом. Его руки лежали у неё на груди и явно не с диагностическими целями. Он целовал её в шею, и под ушком, и в попу упирался... Татьяна встряхнулась. Так, вот не нужно увле-

катся всякими «видениями». А то так вот напредставляется, а ей ещё целый день работать. В мокрых трусах.

– Представила? – уточнила читательница психологической литературы.

Марго кивнула.

– И как?

Рыжая пожала плечами:

– Никак. Не представляется.

– Совсем? – уточнила Ангелина.

– Ну представляется какой-то мужик. Стоит там. Неуютно. Мало ли, чего замышляет.

Маньяк, может.

– Мужчина сзади – это «мужчина – родитель», – тоном лектора заявила Геля, и Татьяне с трудом удалось сдержать смехок. – Это заботливый мужчина, который принимает на себя ответственность и заботу. Тот самый мужчина, которого так хотят все женщины – который будет баловать и делать подарки...

– «Папик», – хихикнула Оленька.

– Почему «все»? – возразила Маргарита.

– Ну ты, конечно, не хочешь, – свысока ответила гуру межполовых отношений. – Отсюда все твои проблемы. Ты не готова принимать подарки и заботу.

Рыжая акушерка надулась. А Таня подумала, что она, выходит, готова. И подарки принимать. И не только... подарки. Только вот никто не дарит. Как-то неправильно всё получается по Гелиным «штучкам». Наверное, они просто неправильные. Или Таня неправильная.

– А теперь представь, что ты стоишь за мужчиной. В смысле, мужчина стоит к тебе спиной.

– И зачем он мне нужен, если он спиной? – удивилась Марго.

Таня была с ней согласна. Станислав Борисович перед ней не представлялся. То есть представлялся, конечно. Воображение у неё было богатое. Только он там стоял и стоял. Мало ли, зачем человек встал? Шёл, задумался...

– Ну как? – возразила Оля. – Обнять его. Пожалеть... – продолжила она с трогательной улыбкой.

– Вот Оля у нас предпочитает «мужчину-ребёнка», – поведала Геля.

– Все мужчины – большие дети. Это же всем известно, – заявила на это Оля.

– В принципе-то, да. Вопрос, как этот большой ребёнок будет вести себя с тобой?

Конечно, если ты хочешь ему всю жизнь соплю подтирать...

Ангелине детёныши самцов явно не нравились. Но Оле на это было глубоко плевать:

– Ой, а где ты теперь «мачо» найдёшь? Мужики теперь пошли нежные и ранимые, – пояснила она.

– Особенно, если их кухонным ножом, – поддакнула Марго и показала сжатой в кулак рукой, как именно нужно. Сверху вниз.

– Рита, ты, это... Валерьяночку попей, – посоветовала Оля и похлопала подружку по руке.

– Да я так, к слову, – стала оправдываться рыжая, но Геля взглянула на неё с опасением. –

Я правда ничё такого...

– Ладно, а теперь представь, что мужчина рядом с тобой, сбоку...

Таня представила. Станислав Борисович стоял возле неё. Но смотрел в другую сторону.

Вроде рядом, но Татьяну не замечал.

Однако в следующий момент увидел.

Потому что вошёл в процедурную.

* * *

Стас и дальше бы продолжил греть ухо, как тот царь «позады забора», но со стороны палат, перекатываясь уточками, потянулись первые пациентки. Дежнёву ничего не оставалось, как сыграть свою роль заведующего отделением. Он встал, убрал смартфон в карман, показательно взглянул на часы и решительно шагнул в процедурную. И обнаружил, что девиц, вопреки голосам, было не три, а четыре. Вся компания в сборе. Включая его тайную визави, которую он минут десять назад учил, о чем ещё его можно спросить.

– У нас тут что, заседание женсовета при полном кворуме? – поинтересовался Станислав Борисович, нахмутив брови.

– Никак нет! – отрапортовала ординаторка, по-военному приложив руку к медицинскому колпаку. – Готовимся к утренним инъекциям! Другие приказания будут?

А ведь раньше молчала как рыба. Интересно, кто она по знаку Зодиака? Тьфу! Глупости какие антинаучные в голову лезут...

– А Маргарита Васильевна и Ангелина Михална к утренним инъекциям какое отношение имеют? – поинтересовался Дежнёв у зарвавшейся (или зарвавшейся) Зуевой.

– Способствуют повышению морального духа! – продолжила Татьяна в том же стиле.

Вид лихой и придурковатый был нарушен сползшими на нос очками, которые хозяйка поправила изящным жестом выставленного среднего пальца. Вроде и не оскорбила. А так, показала, что и как она клала на его недовольный вид. Возможно, даже непроизвольно. Но очень удачно.

– Арбайтен, девочки, арбайтен! – скомандовал Стас, громко хлопнув в ладоши, отчего три девицы на кушетках словно выпали из пространства. – У нас тут не санаторий!

– А концлагерь, – тихо пробурчала под нос ординаторка.

– Что? – переспросил Дежнёв с намёком.

– А больница, – с дебиловатой улыбкой исправилась Татьяна. Коза драна.

– То-то же, заключённая Зуева. А теперь – все по рабочим местам! Вас там под дверью женщины ждут не колоты. А вы лясы точите и плакаты по стенам развешиваете. Совсем я вас распустил! – посетовал Стас и, пользуясь тем, что все на рабочих местах, вернулся в ординаторскую.

Он вынул из ящика листок. Помедитировал. Кто из четырёх? Ангелина оказалась не такой дурой, как казалась. С другой стороны, начитанность – ещё не ум. Особенно, начитанность гламурными журналами. Хочет? Хочет, ещё как. Глазки закатывала, сиськи выкатывала и вообще подкатывала. Наверное, видит в Стасе того самого «папика». Конечно, теперь, когда платная медицина открыла для специалистов возможность подработать, Дежнёв не перебивался с хлеба на воду. Но, по его скромным расчетам, потребности Гели он покрыть бы не смог. Ни сексуальные, ни материальные. Понимает ли это Геля? Вопрос. В том числе, об её интеллекте. Не исключено, что Ангелина на нём просто разминается перед борьбой за золотые медали. В смысле, бриллиантовые колечки. Поэтому хочет-то хочет. Но чего?

Маргарита. Агрессивна, импульсивна, темпераментна. Может? Может. И юмор есть. Хоть и специфический. Если она, то вряд ли с серьёзными намерениями. Так. Яд сседить. Уж лучше на бумагу, чем на кухонный ножик, а потом им и приласкать... М-да. Вариант рабочий.

Татьяна. Пожалуй, она – главный претендент. Точнее, была бы, если бы проявляла к Стасу хоть какой-то интерес. Но идея любопытная. Девочка с потенциалом лидера. Вон как быстро отреагировала на опасность в его лице. Пока остальные спрятались за воображаемым кустиком и трясли хвостиками, эта отлаялась за всех. Напоследок ещё и за ляжку цапнула. Для профилактики. Может, однозначно. Только оно ей надо?

Ольга? Вряд ли. У этой материнский инстинкт гипертрофированный. Впрочем, женщины – непредсказуемы. А женская логика рациональными методами необъяснима. Возможно, это всё проявление заботы. Мол, не волнуйтесь, девочки, ничего страшного в мужчине-гинекологе нет. Забота о будущей мамочках. Шарфик надел? Обед скушал? Тёплые носочки не забыл? Бабу поимел? Нет? Нехорошо. Для здоровья необходимо. Желательно пару раз в неделю. Но хотя бы раз. Очень такая... забота. Правда, тезис о «групповухе» в эту картину не укладывается. Но отбрасывать не будем. Пусть живёт.

Итого. Ху из ху – пока не понятно. Но интересно.

Станислав Борисович ещё раз взглянул на листок и подумал, что всё-таки палку перегнул. Но вымарывать не стал. Что уж. Однако ниже дописал: «*А вы мужчину с какой стороны предпочитаете?*» Потом подумал и дописал ниже свой сотовый. Ожидание по полдня напрягало. Убрал листок в ящик и занялся картами новеньких.

– Вы как хотите, а я побежала, – отмерла Марго, когда дверь за Дежнёвым захлопнулась. – А то СтасБорисыч нам щаз тотальный холокост устроит.

Она подскочила с кушетки, как теннисный мячик от корта.

– Холокост – это же когда евреев, – проявила эрудицию Оленька.

– Я тебя умоляю, – Маргарита развела поднятые ладони от себя вниз. – Когда зав в таком настроении, у него все евреи, кроме Фриды Марковны.

И подорвалась по делам.

– Гель, ну что там с мужчиной рядом? – жалобно попросила Оля.

– Это мужчина-партнёр. Но здесь такие не водятся, – она подмигнула. – Всё, девчонки, пока. Увидимся!

Она сделала «чмоки-чмоки» и тоже упорхала. А в дверь заглянула первая беременяшка.

Глава 3

После завтрака Таня готовила капельницы, когда в процедурную заглянула Лидия Геннадьевна, медсестра из Ольгиной смены, и сказала, что Дежнёв велел Татьяне подойти в пятую палату. Прямо сейчас.

Если бы поймал или просто решил устроить разборки, позвал бы в ординаторскую. Или в кабинет УЗИ, где, как пугали опытные, у Дежнёва хранился «ковёр», на который вызывались особо провинившиеся. Но Станислав Борисович приглашал в палату во время обхода. Наверное, какой-то любопытный случай, решила Таня, поправила волосы под колпаком и направилась, куда сказали.

– Это Татьяна Егоровна, наш ординатор, – представил её заведующий. – Она будет присутствовать при обходе. Валентина, – обратился он к девушке, на краешке кровати которой он сидел. – Скажите, пожалуйста, какой у вас срок беременности?

Девушке на вид было лет двадцать, не больше. Она была худенькой до измождённости. Лицо со впалыми щеками почти просвечивало. Халат девушки был развязан, а сорочка поднята, открывая животик, округло выступающий над простым хлопковым бельём.

– Девять, – ответила пациентка.

Девять? Какие девять? На девяти неделях матка ещё не выходит за пределы тазовых костей.

– Вы обращались к гинекологу по поводу беременности? – продолжал задавать вопросы заведующий.

– Да, конечно, – закивала девочка. – Врач сказала, у меня двойня, – улыбнулась она. – Видите, как быстро растут.

– Вы делали анализ на ХГЧ?

Валентина закивала.

– По анализу врач и определила, что двойня.

– А на УЗИ вас направляли?

– Зачем? – удивилась пациентка. – Врач сказала, что часто делать УЗИ вредно для ребенка. В двенадцать недель и пойду.

Татьяна уже поняла, к чему ведёт Станислав Борисович, и, увы, никаких двенадцати недель у неё, похоже, не будет. Случай действительно был редкий, где-то один на тысячу.

– Как самочувствие? Есть жалобы?

– Как самочувствие... Токсикоз, – пожала плечами Валя. – Есть совсем ничего не могу.

– Давно?

– С самого начала.

– Давление?

– Вроде, нормально, – ответила девушка. – Не помню, чтобы были приступы.

– Мочу сдавали? Врач ничего не сказала?

Девушка пожала плечами:

– Вроде всё нормально.

– Это хорошо, – кивнул Станислав Борисович. – Анализы с утра сдали? – и дождавшись ответного кивка, продолжил: – А к нам с чем обратились?

Девушка засмушалась.

– У меня... выделения начались... Кровь, – выдавила она.

– Какого цвета? – невозмутимо уточнил Дежнёв, словно не замечая реакции пациентки. Вот из-за таких ситуаций Таня и считала, что мужчинам не место в акушерстве и гинекологии.

– Т-тёмные. Коричневатые.

Сейчас попросит показать прокладку, поняла Татьяна. Однако, нет. Станислав Борисович обернулся к ней. Зуева кивнула, что всё поняла.

– Татьяна Егоровна, пожалуйста, проводите Валентину Алексеевну на УЗИ, – попросил заведующий, отдавая направление. – А потом с результатами и пациенткой зайдите ко мне. Я буду в ординаторской.

– Что-то с детьми? – испуганно спросила Валентина.

– Давайте пока не будем торопиться с выводами, – Дежнёв похлопал девушку по руке. – Сейчас вы сходите на обследование, и уже тогда мы будем о чём-то говорить.

Дежнёв покинул палату, и пациентка быстро одёрнула ночнушку и запахла полы халата.

– Что-то серьёзное? – жалобно спросила она у Тани.

– Станислав Борисович сказал идти на УЗИ, – напомнила Зуева.

Она совсем не хотела становиться гонимой, приносящим дурные вести. К тому же пока не ясно, насколько вести плохие. И Станислав Борисович её не уполномочивал. Узист в патологии был приходящий. Пришлось идти в другой корпус через длинный подземный коридор. Три мужика, сидящие под дверью кабинета ультразвуковой диагностики, пропустили двух барышень без возражений. Врач тоже оказался мужчиной, монументальным, как белый медведь в полярную ночь. Таня его раньше не видела. Он познакомился с направлением, выяснил, что за группа поддержки сопровождает пациентку, и приступил к священнодействию.

– Можно мне тоже посмотреть? – попросила Валентина.

– Вы всё равно ничего не поймёте, – честно ответил узист, которого тоже никто не уполномочивал.

– Всё так плохо? – испуганно спросила пациентка.

– Могло быть гораздо хуже, – всё так же честно признался врач. – Не волнуйтесь, сейчас Станислав Борисович вам всё расскажет. Он акушер-гинеколог, он со всеми тонкостями объяснит. Вытирайтесь пелёнкой, – велел он.

– А что с детьми? Всё нормально? – всё так же встревоженно поинтересовалась девушка.

– Мне очень жаль, – произнёс мужчина приговор и распечатал протокол УЗИ. – Но вы не беременны.

– А как же... – Валентина осела обратно на кушетку.

– Ваш лечащий врач вам всё расскажет. Поверьте, он сделает это лучше.

До ординаторской девушка шла в полной прострации, и если бы не Таня рядом, возможно, и дорогу бы обратно не нашла. Впрочем, и без прострации она бы заблудилась в местных катакомбах. Валентина ни о чём не спрашивала, погружившись в свои переживания. И Таня в глубине души радовалась, что объясняться с пациенткой придется не ей. Зуева заглянула в ординаторскую и обнаружила там Марию Юрьевну. Пожилая врач-акушер, кряхтя, налила себе чай и сообщила, что Станислав Борисович «в берлогу уполз, карты заполнять». Узист сегодня должен был прийти после обеда, и Дежнёв на правах главного оккупировал пустующий кабинет. Обычно опущенные жалюзи создавали здесь полумрак. Но сейчас из окна лился утренний свет. Дежнёв поднял взгляд от бумажек. Зацепился им за пациентку. Потом посмотрел на Татьяну.

– Врач сообщил Валентине, что беременности нет, – пояснила Зуева.

– Сейчас совершенно точно – нет, – согласился заведующий, бросив взгляд в протокол. – Присаживайтесь. Валентина, вы знаете, как происходит оплодотворение?

Пациентка покраснела:

– Ну... Мужчина и женщина... – начала она.

– Я не о том, как происходит половой акт. А что происходит уже после того, как сперматозоиды оказались в половых путях женщины?

– Ну... Сперматозоид... сливается с... яйцеклеткой, – промямлила она, видимо, не понимая, почему врач спрашивает её о таких глупостях.

– На самом деле, всё не так просто. У яйцеклетки, – Станислав Борисович поправил очки, правда, без хулиганства, указательным пальцем, – есть плотная оболочка, которая мешает сперматозоидам в неё проникнуть. Поэтому сперматозоиды работают сплочённой командой, растворяя оболочку. И, наконец, одному из них удастся проникнуть. Он, отбрасывая свой хвост, пробивается внутрь, и в тот же момент срабатывает сигнализация, и яйцеклетка становится непроницаема для всех остальных сперматозоидов. Собственно, технически она на момент оплодотворения даже не яйцеклетка, а так, заготовка. Проникновение сперматозоида внутрь активирует процессы, и вскоре мужское ядро сливается с женским, и в итоге получается полноценная клеточка, из которой готов расти новый организм. Он возьмёт половину генетического материала от мамы, вторую половину – от папы. Это понятно?

Валентина закивала. Она вынырнула из своих переживаний, пытаясь осознать смысл того, что говорил доктор.

– Но случается – очень редко, но случается, – что сигнализация срабатывает недостаточно быстро, или сперматозоиды проникают внутрь абсолютно одновременно. И тогда с женским ядром сливаются целых два мужских. И от этого новая клеточка с тройным набором хромосом начинает сходить с ума. Она внедряется в слизистую матки, и вместо того, чтобы нормально делиться самой, начинает наращивать ворсинки хориона, те корешки, с помощью которых зародыш получает питание от матери. Они перерождаются в пузырьки, и множатся, множатся, множатся. Это называется «пузырный занос». Хорион вырабатывают огромное количество ХГЧ – хорионического гонадотропина человека, гормона беременности. Поэтому ваш врач решила, что у вас двойня.

– А ребёнок? – тихо спросила Валентина.

– Зародыш с таким генетическим набором нежизнеспособен, Валя, – сочувственно продолжил Станислав Борисович. – Но случается, что в яйцеклетке после проникновения двух сперматозоидов женского ядра не образуется. Её называют «пустой». Тогда внутри сливаются два мужских ядра. И хотя, казалось бы, набор двойной, ничего хорошего из этого не выходит. Напротив, получается только хуже. Хорион не просто начинает безудержно делиться, он превращается в злокачественную опухоль, и по кровеносным сосудам начинает разрастаться по всему организму. Но мы будем надеяться, что это не ваш случай. Пока на УЗИ явных признаков такого злокачественного поведения нет. Форма полиферирующая, то есть разрастание идёт в полости матки. Но после операции в течение определённого времени вам будет необходимо сдавать анализы на ХГЧ, чтобы убедиться, что операция прошла успешно. В некоторых случаях необходимо пройти химиотерапию. Я обязан вас предупредить. Но мы будем надеяться, что у вас всё будет хорошо.

Таня не знала, сколько из сказанного девушка поняла, но взгляд её стал полностью осмысленным. Дежнёв говорил спокойно, как лектор за кафедрой. И излучал уверенность, тепло и вызывал безоговорочное доверие. Как... Как солнце. Как можно жить без солнца?

– А дети?... – спросила она.

– Если вы будете выполнять все назначения, то у вас всё обязательно получится, – пообещал Дежнёв. – А теперь мы будем готовиться к операции. Татьяна Егоровна, поторопите лабораторию с анализами, пожалуйста.

* * *

Зуева упылила вместе с пациенткой. Девочка при более близком рассмотрении оказалась не настолько безнадежна. Лишних движений не делала, глупой инициативы не проявляла, симптомы опознавала. Или успешно делала вид. Глядела с восхищением. Всё-таки есть что-

то в тёплом огоньке восхищения симпатичной девушки, что ни говори. Не в том, который: «Я твой свет во мраке», и ты туда летишь, летишь, как дурак... А потом – тыдыщ! – обнаруживаешь себя в уродливой пасти глубоководного удильщика. Нет, в бескорыстном восхищении. Сразу хочется плечи расправить, живот втянуть, подбородок побрить... Впрочем, сегодня он и так бритый. И даже волосы причёсаны, так что наметившаяся тонзура не слишком просвечивает. Умный, красивый, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Может, всё же Татьяна?...

После мастер-класса по работе с тяжёлыми диагнозами ординаторка должна проникнуться. Если писала она, то, скорее всего, уймётся. С одной стороны – хорошо. А с другой... С другой – жизнь снова станет пресной и предсказуемой.

Стас потянулся, разминая пальцы. Сегодня он в ночь. Работы впереди: тащить – не перетащить. Хорошо, что он не учителем работает. Они работу ещё и на дом берут. Зато у них ночных смен нет. Нет в мире совершенства. Куда ни кинь – всюду засада. Дежнёв посмотрел в сотовый. Зачем он оставлял пипетке свой номер, если она ему не пишет? Станислав Борисович, конечно, всех припахал и дал пинка для ускорения. Но она могла бы и ответить. Что, долго, что ли?

Глава 4

Таня пробралась в ординаторскую только после одиннадцати. Врачи были на плановых операциях. Девчонок сюда особо не приглашали. Разве что занести карты или анализы разложить. Татьяна тоже в ординаторскую не стремилась, но Фрида Марковна сказала, что переодеться Зуева будет здесь, и даже стол выделила. А кто камикадзе, чтобы с Фридой Марковной спорить? Таня воровато подошла к столу завотделением, быстро выхватила из ящика листок, отвернувшись к окну, сложила его вчетверо и сунула в карман. Посмотрелась в зеркало, освежила помаду и неспешно направилась в служебный туалет. Она – не генерал, но и ей бежать по отделению только для того, чтобы прочитать ответ, не пристало. Закрывшись в помещении индивидуального пользования, Таня развернула листочек. И озадаченно присела на краешек «фаянсового друга». Он что, флиртует? Станислав Борисович с нею флиртует?! Наверное, думает, что это длинноногая Ангелина. Хотя, кто же знает, о чём думают мужчины. Чем они думают, и думают ли вообще, когда речь заходит о женщинах. Впрочем, по «пенису» и «коитусу» вектор прослеживался. На занятиях по психологии рассказывали про проекцию. «Сколько можно думать о сексе?» – вот каким был истинный смысл послания. – «*Давайте уже о нем говорить!*» Мужчины...

Таня замечталась. Она и Станислав Борисович. Это было как... Как 31 декабря обнаружить дома возле ёлки живого Деда Мороза. То есть прикольно, но ведь чудес на свете не бывает. Хотя Фрида Марковна не уставала повторять, что кто-кто, а врач должен верить в чудо. И убеждать в этом пациентов. Потому что в медицине всегда найдётся место для плацебо. Номер заведующего Тане был известен. Для экстренных случаев. Просто теперь он предлагал использовать телефон для переписки. Очень благородно с его стороны, если бы не одно «но». Танин номер тоже знали. Если не Станислав Борисович, то старшая медсестра и Фрида Марковна – точно. А это, простите, не личная жизнь, а сплошное палево. Через квартал от больницы был торговый центр с точкой мобильного оператора. Но туда нужно вырваться. Дверь в туалет дёрнули снаружи. Таня быстро сложила листок, для конспирации нажала смыв и покинула помещение.

* * *

Стас заполнял историю родов. Предлежание ножное, роженица первородящая и скандальная... Задолбались все. Чтобы прямо совсем ВСЕ, Дежнёв дёрнул в родзал ординаторку. Какое-никакое, а развлечение. Зуева, пока оказывала классическое пособие по Цовьянову, так забавно морщила бровки и прикусывала нижнюю губку... Ничего так, кстати, губка. Потом Стасу стало не до губок. В таких родах головка, проходя малый таз, передавливает пуповину. Пять минут с момента рождения ребёнка до пупка – асфиксия. Десять минут – всё. Но девочки справились. Все втроём. И та, которая рожала, и та, которую рожали, и та, которая вторую у первой принимала. Может, и не зря Мама Фрида Татьяну хвалит. Нужно будет присмотреться. Стас протёр брови пальцами. Телефон пиликнул сэмэской. «Снизу», – сообщил неизвестный абонент. Что «снизу», где «снизу», зачем «снизу»? Пока Стас пытался сообразить, о чём речь, подоспело новое сообщение «*Мужчин предпочитаю снизу*». О, как! Не прошло и двенадцати часов, как Пипетка проснулась. Под этим именем, «Пипетка», Дежнёв и сохранил контакт.

«Снизу – в смысле на коленях?» Ты посмотри на неё! «Верхняя» нашлась. Воображение нарисовало Стасу саба в ошейнике, стоящего на коленях перед затянутой в чёрную кожу Госпожой. «*Любите доминировать?*» – добавил он, посмеиваясь. Телефон молчал, пипетка думала, и Станислав Борисович вернулся к истории. Но стоило ему взять ручку, как раздался «пилик».

«Мужчина на коленях и снизу – это что-то из области straponового БДСМ. Боюсь, я не настолько продвинута в доминировании», – гласило сообщение.

Она не думала, она писала. Лучше бы думала.

«А вы зачем интересуетесь?» – прилетело следом ещё одно, и вдогонку: *«Вы, случаем, не из „этих“?»* и подмигивающий смайлик.

«Нет, я не из „этих“», – уверил собеседницу Дежнёв.

«Все вы так говорите», – заметила Пипетка. – *«А потом @style „снизу на коленях“».* Стас какое-то время паялся в текст, пока до него не дошло: «style» с собачкой – это догги-стайл.

«У кого что болит, тот о том и говорит», – возразил на это Стас.

«Стесняюсь спросить: а что тогда означал ваш пассаж про пенис, эрекцию и продолжительность коитуса?» – мастерски парировала Пипетка.

Нет, так дело не пойдёт. Стас совершенно точно не был альфа-самцом, но позволять девчонке вести в разговоре он не собирался.

«Я не говорил, что люблю снизу на коленях», – вернул он разговор в более безопасное русло. И только потом до Дежнёва дошло, что хрен редьки не слаще. Его-таки вынудили оправдываться.

«Это у тебя какие-то странные фантазии», – решил он перекинуть с больной головы на здоровую.

«А у тебя фантазии не странные?» – пришло в ответ. Завотделением прямо ощутил на языке это шершавое «тебя».

«Давай вот не будем о моих фантазиях!» – поставил точку Стас.

«И правда», – согласилась Пипетка. Завотделением просто умилился её покладистости, но следом прилетело продолжение: *«А то сначала – фантазии. Потом попросишь моё интимное фото...»*

Станислав Борисович рассмеялся в полный голос, вспоминая профессиональный анекдот про гинеколога, которому по дороге домой девица легкого поведения предложила за пять баксов «показать».

«Не попрошу!» – пообещал Стас.

«Я же говорила! Ты из „этих“», – прилетело следующее сообщение со смайликом, показывающим язык... – *«Нормальный мужик обязательно бы попросил!».*

«То есть я – ненормальный мужик?» – уточнил Дежнёв.

«Во всяком случае, данный тезис нуждается в доказательствах», – пришло в ответ.

«О! Так ты жаждешь доказательств?!»

Вот оно! Вот ради чего затевался весь разговор, теперь Стас был убеждён в этом абсолютно.

«А ты решишься?» – И смайлик, чешущий в затылке.

«Хочешь взять меня на „слабо“?» – спросил Дежнёв, демонстрируя понимание процесса.

По ту сторону эфира замолкли.

То-то же.

«Нет, думаю пригласить в одну тёмную-тёмную комнату», – прилетело где-то через пять минут.

«В прозекторскую?» – уточнил Стас.

«Ваши шутки, Станислав Борисович, не соответствуют ни вашему возрасту, ни статусу», – припечатала Пипетка и добавила смайлик, грозящий пальчиком.

«Мой status¹ – в ваших руках» – намекнул Станислав Борисович.

«Договорились. В 23.00 в кабинете УЗИ ваш status будет в моих руках. Если вы решитесь, конечно».

¹ Прим.: Лат. «status» – состояние, положение.

* * *

Татьяна пребывала в легкой эйфории. Ножное предлежание – это серьёзно. Такие роды всегда ведёт врач. И хотя сегодня ими командовал Станислав Борисович, ребёнка принимала Таня. Теоретически она всё знала. И даже присутствовала в подобной ситуации на практике. Но когда ребёночек идёт в руки тебе – это совсем другое дело. Когда ты чувствуешь, как ножки на потугах прижимаются к ладони, с каждой – всё крепче. Вот они уже лезут с боков от прижатой руки, в которую теперь упирается упругая маленькая попка. Теперь можно рожать: ножки, ягодицы, туловище до пупка. Передышка. Нижний край лопаток. Внутренняя механика разворачивает ребёнка. Теперь одно плечико. Другое. Головка. И вот в мир своими маленькими ножками пришла маленькая девочка. Дежнёв был сторонником новых веяний в акушерстве. Он практиковал пережатие пуповины не сразу после родов, а когда она перестанет пульсировать. Кровь ребёнка, пока он движется по родовым путям, противотоком затекает в пуповину. А потом, если сразу не обрезать, вместе со стволовыми клетками возвращается к нему в течение нескольких минут. Лёгкие раскрываются постепенно... В общем, всё очень физиологично, хоть пока и нетрадиционно.

Татьяна отпросилась у девчонок сбежать до магазина, взять вафельный торт – отпраздновать почин. О том, что главное – купить новую симку, она никому не докладывала, разумеется. Тем более так всё удачно сложилось. Зуева активировала карту сразу, выставив в настройках беззвучный режим. Большинство преступников попадают на мелочах. А Татьяна – не преступница вовсе. Так. Мелкая хулиганка. Завотделением ждал от неё ответа в контексте Гелиного рассказа. Ай-ай-ай, Станислав Борисович, как нехорошо подслушивать. Ведь интеллигентный человек, заведующий отделением... А так спалился! Да ладно, что там. Теперь уже понятно, что ничто человеческое Дежнёву не чуждо. Не такой уж он и идеальный. Но почему-то платоническое увлечение от суровой встречи с реальностью рассасываться не хотело. Наоборот, почему-то именно эти человеческие слабости делали Станислава Борисовича ещё притягательней. Нет, Станислав Борисович, ни спереди, ни сзади, ни с боку, как вы ждёте...

«Снизу», быстро набрала она ответ на вопрос Дежнёва. А потом сообразив, что это у неё весь день перед глазами его записка, а у него и другая жизнь есть, расшифровала: «*Мужчин предпочитаю снизу*».

Ответ пришёл практически сразу: «*Снизу – в смысле на коленях?*»

Таня зависла. Возможно, Дежнёв просто не знает о существовании позы «наездницы»?

Экран вспыхнул, сообщая о новом сообщении. «*Любите доминировать?*» – спрашивал завотделением.

Таня натянула перчатки. Пора в роддом, пока её не хватились. Тортик с мишками в сосновом бору уже лежал в сумке. Те несколько минут, пока она, стараясь не поскользнуться на поворотах, рысью неслась на работу, она пыталась осмыслить прочитанное. Зуева знала, что Станислав Борисович не боится экспериментировать и применяет нетрадиционные методы. Но чтобы настолько...

«*Мужчина на коленях и снизу – это что-то из области straponового БДСМ. Боюсь, я не настолько продвинута в доминировании*», – написала Татьяна после того, как избавилась от пальто в сестринской.

«*А вы зачем интересуетесь?*» – дописала она. – «*Вы, случаем, не из „этих“?*» И, подумав, добавила подмигивающий смайлик. Вдруг сейчас она узнает страшное? Нужно, на всякий случай, продемонстрировать толерантность.

«*Нет, я не из „этих“*», – ответил Дежнёв практически сразу. Будто ждал её сообщение. Или очень боялся, что его поймут.

«Все вы так говорите», – ответила Таня, желая добавить клиента. – «А потом @ style „снизу на коленях“».

«У кого что болит, тот о том и говорит», – обиделся Дежнёв.

Ну, знаете ли!.. Чья бы корова безрогая мычала, про то, что болит.

«Стесняюсь спросить: а что тогда означал ваш пассаж про пенис, эрекцию и продолжительность коитуса?» – быстро набрала Зуева.

«Я не говорил, что люблю снизу на коленях».

Правильно. На остальное-то возразить нечего! У неё все ходы записаны. На листочке. В сумочке. В кармашке на замочке. Таня быстро проверила – лежит.

Телефон снова зажёгся. «Это у тебя какие-то странные фантазии», – было написано в эсэмэске. Это когда они пили на брудершафт? И это у неё – у неё?! – странные фантазии?

«А у тебя фантазии не странные?» – очень хотелось выделить это «тебя», но капслок выглядел бы не комильфо.

«Давай вот не будем о моих фантазиях!» – потребовал Дежнёв.

Кто он такой, чтобы требовать, после его «снизу на коленях»? Таня хихикнула. Тут в ординаторскую заглянула Ольга.

– Ну как? Успешно? – спросила она, намекая на торт.

– Ещё как! – ответила Татьяна, вручив коробку медсестре. – Я сейчас, быстро. Колготки только переодену.

Оленька кивнула и вышла, чтобы не смущать.

«И правда», – посмеиваясь, набрала Таня. – «А то сначала – фантазии. Потом попросишь моё интимное фото...»

«Не попрошу!» – пришёл ответ с плачущим от смеха смайликом.

Ну вас, Станислав Борисович, за язык – точнее, за палец, – никто не тянул.

«Я же говорила! Ты из „этих“», – припечатала, во всех смыслах, Таня. – «Нормальный мужик обязательно бы попросил!»

«То есть я – ненормальный мужик?» – снова обиделся Дежнёв.

«Во всяком случае, данный тезис нуждается в доказательствах», – подколола Зуева.

«О! Так ты жаждешь доказательств?!» – гласило ответное сообщение, и Таня присела на стульчик, прикрыв рот ладошкой, будто это могло вернуть переписку вспять.

Что он имеет в виду под «доказательствами»? Жаждет продемонстрировать своё эрегированное достоинство? Да за кого он её держит?! Точнее: кем он её считает?! И правда. Кем? Он же не знает, с кем переписывается. Или знает? Может, он не просто так к Тане сегодня повышенное внимание проявлял? Может, вычислил? И это – такая проверка? Нет, не стал бы он так подставляться... Или стал бы?

Нет, вот же старый греховодник! Правда, не такой уж он и старый. Просто уже не совсем молодой. А что, если... Она ведь может просто не прийти. «Динамо» – наша команда, если что.

«А ты решишься?» – написала Таня. Нет, он же, блин, заведующий отделением! Интеллигентный человек!

«Хочешь взять меня на „слабо“?» – прилетело в ответ.

Это она его хочет взять на слабо? Кто тут вообще кого хочет взять? – окончательно запуталась Зуева. То есть, Дежнёв всё это время считал, что она с ним заигрывает, получается? Кокетничает и соблазняет? Опа...

Вот «опа», так «опа».

Нет, Дежнёв не знает, что она – это она. Наверняка думает, что это Ангелина с ногами от ушей, ногтями от локтей и мозгами от курей... Хотя, наверное, насчёт «кур» Таня слишком. Просто рядом с такими особами очень хочется, чтобы у них хоть что-то было несовершенно. Ладно. Предположим, что Дежнёв думает, что переписывается с Гелей. Значит, он не знает, что переписывается с Таней. Логично же! Значит, можно сделать что-то такое, в чём потом будут

подозревать Ангелину. Так что можно ни в чем себе не отказывать. Тут главное – конспирация. Чтобы завотделением не мог её разглядеть. А для этого нужно что? Темнота и замкнутое пространство. Темноту можно найти в служебном туалете и кабинете УЗИ. Туалет, по понятным причинам, отпадает. Остаётся кабинет УЗИ с плотными жалюзи, где и днём-то сумрачно. А ночью – вообще хоть глаз выколи. Ключ от кабинета хранится на посту. Только потом глаза адаптируются... Значит, нужно сделать так, чтобы потом уже ничего рассмотреть было нельзя. С помощью чего-то достаточно безличного, чтобы по нему нельзя было вычислить хулиганку... План вырисовывался. Зачем, Татьяна ещё не знала, но «как» – уже придумала.

«Нет, думаю пригласить в одну тёмную-тёмную комнату», – написала она, честно предупредая о намерениях.

«В прозекторскую?» – пошутил Станислав Борисович.

Она тут, можно сказать, готовится грудью на амбразуру кинуться. А он шутит!

«Ваши шутки, Станислав Борисович, не соответствуют ни вашему возрасту, ни статусу», – ответила Таня.

«Мой status – в ваших руках», – ответил завотделением. Зав, мать его, отделением! Это не отделение, а публичный дом какой-то!

«Договорились. В 23.00 в кабинете УЗИ ваш status будет в моих руках. Если вы решитесь, конечно», – трясущимися руками набрала Зуева и быстро, пока не передумала, отправила. И вышла из сестринской. Пока пациентки ужинают, им тоже нужно успеть перекусить.

Глава 5

До одиннадцати ещё целый вагон времени, а у Стаса уже свербело в том месте, на котором он сидел. Как он, взрослый, разумный, заведующий отделением – на секундочку! – ввязался в такую авантюру? Как он мог договориться – дописаться! – до такого? Одно дело – просто завязать шуры-муры на работе. Это нормально. Где ещё, если работа 24/7 фактически? Другое дело – завязать отношения с завязанными глазами. Идти, пардон, на свидание, если так можно выразиться, в тёмную-тёмную комнату, с определёнными намерениями... неизвестно с кем. Хорошо, если это всё-таки одна из пипеток. А если санитарка баба Глаша? От смеху-то будет...

Да и если не баба Глаша. Как она, эта Пипетка из пипеток, вообще себе представляет механику процесса? Они встречаются и начинают рвать от страсти друг на друге одежды? Чушь какая... Так не бывает. Если людей ничего не связывает, ничего между ними и не случается. Поэтому, конечно, Станислав Борисович туда придёт, девицу пожурит, на путь истинный наставит, пинка поддаст... Переписки, правда, жаль. Переписки будет не хватать. Может, ну, его, этот тёмный кабинет, эти наставления? Стоит ли оно, чтобы лишиться такого развлечения? А, там, глядишь, может, что-то путное выйдет. Если это не Ангелина.

С другой стороны, в тёмный кабинет тоже хотелось, потому что нормальный мужик он или нуждается в доказательствах? Со своей точки зрения, Стас нуждался не в доказательствах, а в оздоровительных процедурах известного толка. И ведь буквально неделю назад никакие такие потребности его не тревожили. Пришёл на работу, оттрубил, вернулся домой, брюхо набил, телевизор посмотрел, в Интернете полазил, лёг спать. Всё. Статью какую-нибудь медицинскую почитал – уже событие. Рывок над рутинной. А вот на секс у Стаса в последнее время не стояло. Так, утром слегка. И то – не на секс, а чисто размяться. Причём понял он это только теперь, когда неожиданно встало. Конечно, нет такой проблемы, с которой не могли бы справиться умелые руки акушера с почти двадцатилетним стажем. Но лучше бы, чтобы чужие. Он грамотный наставник и умелый руководитель, как убеждала его недавно главврач. Но сколько можно, всё сам да сам. Пора делегировать полномочия талантливой молодёжи. Так говорила главврач. А она всегда дело говорит.

Станислав Борисович дописал историю, вывернул до хруста сомкнутые в замок пальцы, зевнул... А не пройтись ли вам, Станислав Борисович, не проверить ли, как функционирует вверенное вам подразделение? Пятая точка пыталась лениво отбрехаться, что нет, не пройтись. Но, увы, Остапа уже понесло. Стас подошёл к зеркалу, придал лицу суровое выражение и поправил очки, примеряя говорящий жест Татьяны. К слову, если бы у Дежнёва спросили, кого бы он предпочёл увидеть на месте Пипетки, он бы сказал, что ординаторку. Во-первых, перед ней не было мучительно стыдно за безобразное поведение, поскольку за что боролась, на то и напоролась. Во-вторых... Во-вторых, сегодня, наблюдая за нею в родзале, Стас осознал, что она вполне ничего. Даже очень ничего. И старомодная коса до пояса придавала ей некий шарм. Прямо хотелось эту козу да за эту косу и оттаскать. Как крайний вариант. Станислав Борисович мог придумать ещё пару-другую способов употребления косы в дело. Причём каждый раз дело выходило на 18+. И остальные части тела были достойны использования в непристойных фантазиях заведующим. Хотя вот у Ольги грудь побогаче. А у Маргариты ноги длиннее. А у Ангелины талия тоньше. Но Татьяна выигрывала в целом. Однако у Стаса всё равно никто не спрашивал. Он взъерошил короткий ёжик волос, поправил халат и двинулся на инспекцию.

На посту, уткнувшись носом в телефон, сидела Оленька. Заметив заведующего, она изменилась в лице и быстро убрала телефон со стола. Так. Ольга?! Стас на всякий случай погрозила девушке пальчиком, отчего она ещё сильнее смутилась, и пошёл дальше. В процедурной Лидия Геннадьевна и Татьяна корпели над журналами, причём Татьяна – спиной к двери, встав коленями на стул и нависнув над столом. Попа у ординаторки была зачётная, особенно в этом

ракурсе. Нет, в тёмную комнату сходить нужно. Чтобы не реагировать так на первую встречную попу. Убедившись, что пациентки не бузят, медсёстры заняты делом, на кухне порядок, Дежнёв спустился этажом ниже. На площадке между этажами он обнаружил Ангелину, которая мгновенно прервала разговор фразой: «Всё, пока, я побежала», виновато похлопала ресничками и улыбнулась, как Кот из «Шрека». Всем она была мила, но шестое чувство подсказывало Дежнёву, что после двенадцати принцесса превращается в огра, и ничто не могло заставить его думать иначе. В зале обнаружилась Маргарита и две роженицы. Марго отчиталась о раскрытии, Стас проверил на кресле. Пока всё протекало как надо, тьфу-тьфу-тьфу. И всё же Дежнёв покрутился, отметился и вернулся в ординаторскую. Чем ближе стрелка настенных часов приближалась к одиннадцати, тем медленнее тянулось время. Стас вздрагивал, когда ему чудились шаги за дверью. Если вызовут по ургентному – значит, не судьба. Но вызова не было, и когда длинная стрелка доползла до десяти, Дежнёв вышел из кабинета и направился в служебный туалет. Он, конечно, не всерьёз туда идёт. Просто... заглянет, убедится, что там никого нет, и вернётся к себе. Но всё же подмылся с мылом, поскольку мужское достоинство не должно быть грязным и вонючим, даже если никто его лапать не собирается. Как ни тянул Стас, к кабинету УЗИ он подошёл без трёх минут. Дверь была приоткрыта. Внутри было темно. Дежнёв сделал несколько шагов внутрь. Бледный ночной свет из коридора слабо освещал задёрнутое окно, кушетку, рабочий стол и кресло. Как и ожидалось, никого. Но прежде чем завотделением развернулся, за его спиной закрылась дверь и раздался «щёлк» замка. Стас усмехнулся. Доигрался! Его заперли!

Звук слева он скорее почувствовал, чем услышал. Тихие шаги, и невесомые пальчики касаются его рук.

– Ну и какие у нас планы? – тихо поинтересовался Стас.

Пальчики поймали его вторую руку и соединили руки у Дежнёва за спиной. А потом запястья стянул ремень. Станислав Борисович был готов поклясться, что это банальный жгут для внутривенных инъекций, который растёгивался одной кнопкой. Но не стал нарушать правила.

– Если что, мое стоп-слово «эклампсия», – хохотнул Стас и непроизвольно передёрнул плечами.

В следующий момент на его лицо опустилась одноразовая медицинская маска. Но не на нос, как того требовала инструкция, а на лоб и глаза.

– Леди желает поиграть? – прошептал Дежнёв. С повязкой на глазах и связанными за спиной руками, в тёмной закрытой комнате он чувствовал себя... странно. Чего нельзя было сказать о мужском достоинстве, которое восприняло ситуацию «на ура» и воспряло духом, натягивая хлопковые брюки хирургического костюма.

Девушка (баба Глаша так легко не передвигается) обошла Стаса и, встав перед ним, прошепестела:

– Т-с-с-с! – и коснулась его губ пальчиком.

Дежнёв попытался поймать палец ртом, но Пипетка была шустрее. Она потянула Стаса за локоть. Двигаясь на ощупь, он, наверное, представлял собою забавное зрелище. Наконец поводырь остановился, точнее, остановилась, раздался тихий скрип колесиков, и коленей Дежнёва коснулось кресло, приглашая присесть. Узкая спинка слегка натягивала руки сзади, но пока вполне терпимо.

– И что дальше? – спросил он, понимая, что ответа не услышит. Но молчать и ждать было нестерпимо.

Девушка опустилась перед ним на колени и опёрлась локтями о бёдра, словно сама задумалась, а что дальше. А потом, словно приняв решение, выпрямилась и поползла нежными пальчиками под рубашку.

* * *

Таня до последнего надеялась, что Станислав Борисович не придёт. Ночь, роддом, дежурный врач... Что, карме было трудно поднапрячься?

Но он пришёл.

Заведующий вошёл в кабинет тихо, на цыпочках. Интересно, он думал, что сможет незаметно пробраться в тёмный кабинет из освещённого коридора?

Вот же кобель! Ладно – Таня, она хотя бы знала, к кому шла. А Дежнёв? А Дежнёву, видимо, глубоко плевать, к кому. Главное, чтобы костюмчик сидел. То есть, статус стоял. А кто его поднимет и куда пристроит – это вторично. Вот сейчас Татьяна ему ручки свяжет и в кабинетике зайдёт. То-то весело будет!

– Ну, и какие у нас планы? – поинтересовался заведующий, послушно подставляя руки под жгут.

В его голосе не было бравады или блудливого хамства. Лёгкая насмешка. Он не верил в серьёзность визави. «Вот, я пришёл», – заявлял Станислав Борисович. – «А тебе-то не „слабо“?»

Если честно, было слабо. И Зуева уже десять раз пожалела, что повелась на эту провокацию. Но сдаваться?... Это не повод сдаваться! В конце концов, она что обещала? Взять его «статус» в руки. Медик она или кто? И не такое в руки брала. На практике по патанатомии.

Таня, глаза которой уже адаптировались к темноте, довела заведующего до кресла и опустилась перед ним на корточки. Сколько можно тянуть? В любой момент может сработать ургентный. И тогда вся её конспирация полетит коту под хвост. Татьяна сняла очки, положила их в карман халата, аккуратно развела колени Дежнёва, чтобы подобраться ближе к телу, и сунула руки ему под рубашку. Станислав Борисович вздрогнул, и пальцы заколола «гусиная кожа». Кто бы мог подумать, что заводделением такой... отзывчивый. Таня повела кончиками пальцев по рёбрам, задирая рубашку. В сгустившейся тишине было слышно, как участилось дыхание у связанной «жертвы». Кожа была сухая и тёплая. От Станислава Борисовича пахло чем-то терпко-мускусным. Хотелось прижаться носом к нему, чтобы раствориться в этом запахе. Таня, чуть царапая, уложила ладони ему на грудь. Сердце стучало так сильно, что отдавалось в руку. Татьяна подалась вперёд и провела кончиком языка по животу, от пупка к груди. Заведующий шумно вдохнул воздух и прошептал на выдохе:

– Освободи мне руки.

Таня вновь приложила пальчик к его губам, но он успел его чмокнуть и негромко расмеялся:

– Хулиганка. Поймаю – отшлёпаю.

«Поймай сначала», – усмехнулась про себя Татьяна и теперь повела руками вниз, скользя по животу к паху, пока не натолкнулась на «статус» в полной боеготовности. Таня прижала к нему руки, и член дёрнулся в её руках. Ну уж нет, попался. Она потянула вниз штаны на резинке и обнаружила, что заведующий не носит под ними белья.

* * *

Шутки хулиганистой Пипетки перешли все границы приличия. Но Стасу на это было уже плевать. Он настолько завёлся от нехитрых, практически невинных ласк, что ему уже стало реально всё равно, с кем он сейчас и где. Чисто-мужское достоинство распирало изнутри. Дежнёв толкнулся в руки девушки, намекая, что просто подержать в руках – не совсем то, что ему сейчас нужно. Неудобство позы раздражало, но это – чертова физиология! – лишь усиливало возбуждение. Хотелось всего и сразу, желательно – в женское влажное тепло. Зажать наглуго

Пипетку прямо на здесь, на кушетке, и... В общем, крамольные мысли Стаса лишь подогревали пожар ниже пояса. Когда он уже был готов послать к хренам огородным дурацкие правила и расстегнуть жгут, Пипетка словно очнулась ото сна и начала несмелые движения вверх-вниз. Стас бы, наверное, выругался, если бы эта невинность в самый неподходящий момент в самом неподходящем месте не срывала до такой степени крышу. От невесомых касаний холодными руками горячего члена мозг завис.

– Твою мать, – чуть слышно процедил Стас сквозь зубы и сдвинулся ниже, ближе к девушке, вжимаясь в её пальцы, обтираясь об её руку, обнажая чувствительную головку.

Пипетка, наконец, осознала, что от неё требуется, двигаясь всё уверенней и крепче, а грудь Дежнёва обожгло её дыхание. Острые зубки сжали сосок. Ощущения на грани боли ударили прямым в пах, в до краев наполненную... ну пусть будет «чашу терпения». Оглушительный оргазм накрыл Стаса за секунду до того, как он излился на себя. Следом за разрядкой пришло опустошающее безразличие.

На живот Стасу опустилась бумажная салфетка. Какой сервис! Нужно было как-то отреагировать. Что-то сказать. Только что? «Спасибо, у тебя волшебные ручки»? «Ещё никогда мой status так не поднимался»? «Отныне мой status в надёжных руках»? Но пока Дежнёв обдумывал ответ, Пипетка вновь опустилась на колени и невесомо коснулась губами его груди. Чуть правее и ниже левого соска. Туда, где билось его сердце.

И Стас промолчал.

Спустя минуту в кабинете щёлкнул замок, а потом стукнула дверь. Дежнёв вытянул руки за спиной, чтобы извернуть кисть и расщёлкнуть кнопку. Жгут со стуком шлёпнулся на пол, затёкшие руки повисли вдоль кресла. Стас заставил себя снять маску с глаз. В темноте слабо просвечивал прямоугольник дверного проёма. Завотделением быстро обтёр сперму с тела, благо на столике стояла коробка с вытяжными салфетками, и натянул штаны. Подводя итог случившемуся, он должен был признать, что если с размерами пениса у него всё было нормально, в пределах нормы, то предварительное время коитуса вряд ли порадовало едкую Пипетку. Это раз. Два: теперь ему будет непросто работать в этом кабинете. Запах секса и адреналина щеко-тал ноздри. Внутри ещё потряхивало.

Стас вышел из кабинета и огляделся в поисках случайных свидетелей. За углом начинался холл. За столом спала – или делала вид, что спит, Татьяна. На скамейке рядом, укрывшись покрывалом, лежала Оленька. Одна или вторая? Впрочем, и акушеркам пробраться мимо бдительных охранниц труда не составило бы.

Завотделением вошёл в освещённую ординаторскую. Выкинул в ведро смятые салфетки. Положил в ящик подобранный с пола жгут. Закрыв ящик. Потом, стараясь не думать, что он делает, Стас открыл шкаф, где висело его пальто, достал из внутреннего кармана портмоне и вынул из него фольговый квадратик. И положил рядом со жгутом.

Он обязательно поймает Пипетку. И отшлёпает. Потом. Как-нибудь.

* * *

В тишине Таня прекрасно слышала надсадное дыхание Станислава Борисовича и его сдавленные стоны. Он был такой открытый и такой незащитный, что Татьяне захотелось его пожалеть. Рядом с его грудью было отчётливо слышно, что сердце Станислава Борисовича стучало так, будто мчалось наперегонки с её собственным. Таня вышмыгнула из кабинета, и руки её были ледяными от волнения. Она дёрнулась в поисках, где бы спрятаться, но решила, что лучшее место – на виду. Она села за стол на посту, уложила руки на предплечья и притихла. Казалось, вечность отстучала на её барабанных перепонках «Аиду», прежде чем со стороны кабинета УЗИ послышался чуть слышный скрип половицы. Второй заход он там делал, что ли? Даже когда заведующий проскрипел за другой поворот, где находилась ординаторская,

Таня боялась шевельнуться. Вдруг он подглядывает? А она тут – раз! – и так подставится. Руки потихоньку согревались, и Зуева сама не заметила, как из притворного сна погрузилась в сон настоящий. Ночь прошла довольно тихо. Ночью её побеспокоила лишь одна беременная, заявив, что рожает. Ничего она не рожала, схватки были тренировочными, пациентку уложили спать... Однако времени было уже половина шестого, и медсёстры решили, что нет смысла на полчаса ложиться. Попили чай с остатками тортика и принялись за утренний функционал. На фоне рутины из градусников, весов и баночек мочи вчерашняя ночь казалась дурным сном. На трезвую голову всё выглядело... дико. Тане в голову пришло слово «необузданно». В руках себя нужно держать. СЕБЯ нужно держать в руках. И ей, и Станиславу Борисовичу. С виду такой интеллигентный человек, а внутри-то – э-ге-гей! И снаружи – о-го-го! Жеребец, блин. Дикий. Мустанг необъезженный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.